

ПРЕМЬЕРА ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Урок милосердия

Признаюсь сразу с полной откровенностью: к кукольному театру я питаю давнюю и неизменную любовь, которая ничуть не ослабевает со временем.

Кстати — о времени. В так называемые «застойные годы» именно кукольные театры в отличие от всех других драматических и музыкальных не испытывали кризиса, и их залы никогда не ощущали нехватку зрителей — ни детей, ни взрослых. Это относится и к нашему Большому театру кукол. На его маленькой сцене наряду со спектаклями сказочными, веселыми, развлекательными утвердился и большой драматургия: Гоголь, Достоевский, Маяковский. Постановка «Клопа» была очень заметным этапом в творческой жизни театра. Но вот несправедливо рано ушел из жизни талантливый режиссер Виктор Сударушкин, прирожденный кукольник. В театре сменилось руководство, обновилась труппа. Хочется верить, что нынешний театр продолжит добрые традиции.

И вот новый спектакль те-

атра — «Жеребенок» по известному рассказу М. Шолохова (драматургия Н. Слепковой, постановка В. Маслова, режиссер — Е. Кремнева).

Разумеется, густая пластинка ранней шолоховской прозы, ее яростные социальные конфликты еще недоступны пониманию первоклассников. Но скрытая сила большой литературы такова, что образная структура одного вида искусства переводится в другой образный ряд, овеществленный, зрительный, не только без особых потерь смысла, но даже в чем-то и обогатившись. Драматург и постановщики сохраняют не столько букву, сколько душу шолоховских образов.

...Гаснет свет, и на черном заднике высветывается неожиданный прямоугольник — как будто окно в яркое промывное небо, на фоне пронзительной чистой голубизны которого вьется на ветру прикрепленный к штыку красный флажок. Этот образ является смысловой и эмоциональной доминантой спектакля, посвященного 70-летию революции. Художники спектакля И. Че-

рединкова и А. Орлов нашли остроумное и выразительное решение кукольной сцены: ее пересекают две доски, символизирующие конюшню, где живут Жеребенок и его мать Рыжуха, и одновременно служаше ширмой, за которой и у которой идет действие.

Очень хороши маленький Жеребенок (О. Евграфова) и Рыжуха (Л. Донскова). Несмотря на кукольность (а ведь она действительно хороша), они предельно достоверны. Следившая за мной шестилетняя девочка с абсолютной убежденностью заявила своей маме: — Ты не бойся, он — настоящий!

Обаятелен Мишка (Н. Тарнонская) со своими сползающими штанами и солнечными выхирами, «как лепестки цветущего подсолнечника». Он пришел сюда из другого шолоховского рассказа и, пожалуй, правомерно напоминает ожившие иллюстрации Анатолия Слепкова к рассказу «Нахаленок».

Пожалуй, как зритель взрослый, я мог бы бросить упрек «живым» актерам, которые не-

посредственно общаются с кукольными персонажами. Это ведь давний, испытанный прием, и он должен быть делом совершенно естественным. Самые любимые наши «взрослые» литературные герои часто оказываются в ситуации, где они обращаются по сути к куклам. Папа Карло и Карабас — Барабас, Гулливер в стране лилипутов, Алиса в стране чудес, доктор Айболит, Волшебник Изумрудного города — все они обращены к сказочному кукольному миру. А у трех «взрослых» актеров, на мой взгляд, пока проявляются излишняя театральность, форсированность голоса и жеста, которая выглядит некоторой зажатостью. Особенно это относится к молодому В. Ильичу.

Кульминация спектакля — над широкой вольной рекой, над легендарным тихим Доном сошлись в противоборстве два мира, две силы. Плывет Трофим со своей Рыжухой на другой, враждебный берег, увязывается за ними Жеребенок, но не хватает ему силе-нок, тонет он, тонет малень-

кий, ржет жалобно, как обиженный ребенок. И детям, которые успели полюбить это веселое живое существо, уже не может быть безразлична его судьба: доплывет, не доплывет? Неужели — утонет?

По залу разносятся абстрактно-гирфованный динамиком голос с того, другого берега: «Не стреляйте, поручик! Враг, совершающий акт милосердия, не враг...». Этот показной великодушный жест вызван тем, что Трофим бросился в воду и пытается спасти Жеребенка. Самой фразы — в ее буквальном значении — у Шолохова нет. И рассчитана она, пожалуй, не столько на ребят, сколько на их родителей. Но смысл подлинного, не показного, а естественного, народного милосердия дети вылят в реальном поступке простого бойца Трофима. Он выбирается на берег — человек, несущий на руках... нет, уже не кукольного, а живого, настоящего Жеребенка! И дети, являясь с вами дети, еще недавно жевавшие пирожные и хрустившие конфетными обертками, единодушно приветствуют его,

каждый... в меру своего возраста и темперамента: кто кричит «ура!», топая от радости ногами, кто хлопая в ладоши или тихо затана дышащие от радости.

Но вот как пишет Михаил Шолохов: «Качаясь, встал Трофим на ноги, прошел два шага по песку и, подпрыгнув, упал на бок. Слово горячий укол пронзил грудь, падая, услышал выстрел. Одинокий выстрел в спину — с правого берега. На правом берегу офицер в изорванной парусиновой рубаше равнодушно двинул затвором карабина, выбрасывая дымящуюся гильзу, а на песке, в двух шагах от жеребенка, корчился Трофим, и жесткие пошевнившие губы, пять лет не целовавшие детей, улыбались и пенились кровью».

В театре же слышен лишь гулкий выстрел за сценой — и долго, беззвучно, на фоне голубого прямоугольника неба падает человек в военной шинели, только что совершивший подвиг добра, — и вот снова трепещет на штыке красный флажок, красный, как пролившая кровь бойца революцион.

Такой итог этого непростого, эмоционального спектакля для наших маленьких трагедан, наполненный большим гражданским смыслом, — запоминающийся урок милосердия.

Лев КУКЛИН